

АНАТОЛИЙ ЗАРЕЦКИЙ

Odnoklassniki.ru.
Неотправленные письма
другу

КНИГА ТРЕТЬЯ

Анатолий Зарецкий

**Odnoklassniki.ru. Неотправленные
письма другу. Книга третья**

«Издательские решения»

Зарецкий А.

Odnoklassniki.ru. Неотправленные письма другу. Книга третья /
А. Зарецкий — «Издательские решения»,

Внезапно поймал себя на мысли, что целый день проговорил сам с собой. Снова до боли в сердце ощутил душевное одиночество, как тогда в центре бескрайней пустыни.— Лю-ю-дочка-а-а! — словно раненый зверь, крикнул в полном отчаянии на всю Вселенную, в один миг сжавшуюся до размеров воспаленного разума. А в ответ — леденящее душу безмолвие разделившей нас страшной бездны, имя которой Вечность...

Содержание

Глава 26. За бугор	6
Глава 27. Квартирный вопрос	12
Глава 28. Клуб водников	18
Глава 29. Ночные кошмары	21
Глава 30. Голова полковника Каца	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Odnoklassniki.ru.
Неотправленные письма другу
Книга третья
Анатолий Зарецкий

© Анатолий Зарецкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 26. За бугор

Наконец объявили, что скоро начнется подготовка к пуску летного изделия. Новость вдохновляла. Предстоящая напряженная работа, конечно же, освободит нас от армейской рутины, да и время полетит гораздо быстрее и интересней.

Мы с Суворовым взвесили наши возможности. Теперь в команде самым опытным начальником расчета оказался я. Даже Суворов не имел такого опыта. А у капитанов Алексеева и Кольцова был свой круг обязанностей.

В мое распоряжение попали также расчеты Шуры Шашева и Пети Иванова. Не густо. Бойцы, в основном, молодые. Остались единицы из тех, кто принимал участие в предыдущем пуске.

Начались интенсивные теоретические занятия. Хорошо, еще не уволились мои лучшие кадры – рядовые Дорин и Лобойко. Этих бойцов я отобрал, когда они еще проходили курс молодого бойца. С давних пор курсами командовал майор Липинский. Он обожал эту обязанность, потому что мог отобрать толковых новобранцев в свою команду. Он всегда приглашал меня рассказать новобранцам о нашей технике. Тогда я еще делал это с энтузиазмом. Часто после моих «лекций» подходили молодые бойцы с огоньком в глазах и просились в нашу команду. Так я и познакомился с Володей Лобойко.

Он рассказал, что они с его школьным товарищем Дориным уже окончили институт в Ташкенте, прежде чем их взяли в армию. Я попросил Липинского, и тот определил обоих к нам. Ребята оказались толковыми и вскоре знали технику лучше всех.

Но армия есть армия. Помню, как старлей Шашев принес в комнату офицеров огромный арбуз. Они съели его с нашим «техником» Геней Соколовым буквально по-свински, прямо на столе. А в заключение кто-то из них сбросил корки и семечки на пол.

– Дневальный! – вызвал дневального старлей Соколов, – Уберите! – приказал он вошедшему Дорину. Через минуту Дорин и Лобойко уже отмывали стол и полы комнаты офицеров.

– Только в нашей стране такое возможно, – возмутился тогда Боря Афанасьев, вошедший вместе со мной в комнату, когда уборка была в самом разгаре, – Техник нагадил, а два инженера обязаны за ним убирать, – ворчал Боря, который, в отличие от меня, не заметил еще одного нагадившего – Шуру Шашева.

И Дорин, и Лобойко не рвались в командиры, а потому так и остались в рядовом звании, но по моему распоряжению их команды исполняли все, вплоть до старшины команды. Сейчас я поручил им провести дополнительные занятия с теми, кто из-за нарядов не успевал бывать на основных занятиях. И ребята великолепно справились с моим поручением.

И вот снова настал день вывоза изделия. Все проходило, как и в прошлый раз, но теперь с изделием на старт не поехал, а отправил Петю Иванова. Пусть привыкает.

Неожиданно встретил старого знакомого – морского полковника из Госкомиссии. Тот почему-то обрадовался встрече. После взаимных приветствий первым делом спросил о Шурике. Узнав, что тот будет работать, побежал куда-то жаловаться. Кончилось тем, что Шурика навсегда отстранили от работ с изделием.

Кошмар. Теперь нас снова только двое – Петя и я. Ладно, десять дней подготовки выдержим. А вдруг снова доработки, как в прошлый раз? Доложил Суворову. Пусть думает.

Я оказался прав. Подготовка изделия к пуску началась с его доработок. И мы с Петей с головой окунулись в непрерывную работу. Она изматывала, но оба были молоды, и легко переносили все, что перепало на нашу долю.

А вскоре нам повезло. В свое дежурство обнаружил любознательного молодого лейтенанта, который задавал вопросы со знанием дела. Оказалось, Юра Павутницкий – выпускник академии имени Можайского. К тому же золотой медалист. А главное – как и мы с Петей, двигателю по специальности.

Вот только при распределении полковник Ананич назначил его в один из расчетов башни обслуживания. Тут же обратился к полковнику Яшкову, и явная несправедливость была устранена.

С моей помощью и с помощью майоров Кавзалова и Кочеткова, Павутницкий через две недели сдал все зачеты на допуск к самостоятельной работе и влился в нашу команду.

Помог и однокашнику Павутницкого лейтенанту Леше Талалаеву. Специалиста, которого готовили управлять луноходом, определили заведовать примитивными сантехническими системами. Его тоже перевели в нашу группу к управленцам...

В среде гражданских специалистов, наиболее плотно контактировавших с нами, тоже были изменения. Вместо опытных двигателю Пескарева и Сафронова, появились Анатолий Семенович Мазо и Владимир Александрович Кузнецов. Старший инженер Леня Мокшин был все в том же качестве.

Леня, по виду борец или штангист, всегда удивлял поверхностными знаниями. А ведь он представлял Головное конструкторское бюро, созданное Сергеем Павловичем Королевым. Тогда мне это было просто непонятно. Вот и в тот раз обнаружил кучу ошибок в эксплуатационной документации. Решил разобраться во всем с Мокшиным – представителем отдела разработчика.

– Леня, скажи, пожалуйста, – обратился к нему, – Как мне по этой схеме работать? По вашей инструкции или на основании здравого смысла?

– Конечно по инструкции, – ответил Леня, бросив взгляд на схему.

– Леня, а что будет с резиновыми шлангами высокого давления при температуре жидкого кислорода? – ехидно спросил его.

– Что будет. Что будет... Ничего не будет, – удивил ответ «специалиста».

– Леня, резина при таких температурах твердеет, а под давлением ее разорвет на мелкие кусочки. Здесь по науке металлоукава должны быть... Так как будем работать? По инструкции или как? – продолжал пытаться горе-разработчик.

– По инструкции надо работать, но ты поставь металлоукава, – дал странный ответ Леня.

– Леня, но это же не по инструкции... Ладно, иди, правь инструкцию, а то дам официальное замечание, – завершил я бессмысленный разговор.

Владимир Александрович оказался человеком иного порядка. Это был знаток своего дела – специалист с большой буквы. С ним у меня проблем не было никогда.

Снова появились майоры, предъявляющие удостоверения КГБ и интересующиеся защищенностью объекта от действий «вредителей».

Создалось впечатление, что каждый из этих работников действует в вакууме, абсолютно автономно, ни с кем не обмениваясь информацией, а потому всякий раз наступая на одни и те же грабли.

Или мне просто попадались такие работники, которым, как и Лене Мокшину, было абсолютно все равно, что творится вокруг них. Лишь бы их поменьше тормозили.

Помню, как мы с волонтером Лешей Зайцевым отбирали, в качестве наглядных пособий для спецкласса, агрегаты ракетных двигателей, которые разыскивали в громадной куче обломков взорвавшейся на старте ракеты. В тот раз отыскивали подходящий газогенератор. Мы отсоединили его от магистралей и в трубопроводе подачи горючего неожиданно обнаружили посторонний предмет. Это был аккуратно свернутый кусочек перкаля, перевязанный проволокой.

Несомненно, попасть туда этот посторонний предмет мог только при сборке двигателя. Обнаружить его на более поздних стадиях невозможно.

Последствия очевидны – запущенный двигатель не вышел бы на режим минимальной тяги и был бы выключен системой управления. По маркировке определили, что это двигатель последней ступени ракеты. Это значило, что если бы ракета не взорвалась на старте, она все равно не вывела бы объект на орбиту. Перед нами не что иное, как один из следов подрывной работы внедренного на ракетный завод диверсанта.

Мы с Лешей доложили в КГБ. Там нас долго пытались убедить, что посторонний предмет мог попасть в трубопровод при взрыве. Но когда мы не поленились и принесли причудливо изогнутый трубопровод и показали схему его установки, версия мгновенно отпала.

Нам так ничего и не сообщили о результатах расследования – все это осталось большим секретом госбезопасности...

Доработки изделия мало-помалу провели. Начались все те же проблемы у управленцев. На этом изделии впервые применили бортовой компьютер, или, как тогда говорили – бортовую ЭВМ. Но, как всегда, день за днем комплексные проверки шли с отрицательными результатами. Все нервничали.

В конце концов, бортовую ЭВМ сняли с изделия и отправили в МИК для повторных автономных проверок. Выяснилось, машина неисправна. Сняли такую же со следующей ракеты. Оказалось, и та неисправна. Из деталей двух машин срочно собрали одну исправную.

По закону подлости, собранную ЭВМ поместили не в тот корпус, имеющий совсем другие точки крепления в приборном отсеке ракеты. Но просчет обнаружили лишь на стартовой площадке.

Срочно изготовили специальный переходник, чтобы все-таки установить ЭВМ в «чужом» корпусе на наш борт.

Дальнейшая подготовка пошла, как по нотам. И вот уже, наконец, объявили время пуска. Началась предстартовая подготовка.

Меня снова включили в боевой расчет под тем же номером «152». Вторым в нашем расчете двигателистов назначили Петю Иванова. Всю заправку благополучно проспал все за тем же электрощитом. Заправка прошла без проблем, а потому Петя меня не будил.

Началась эвакуация. Мы с Ивановым, как тогда с Афанасьевым, оставались для проведения заключительных операций. Перед отводом башни обслуживания вручную отстыковали наши металлорукава от разъемов третьей ступени и проконтролировали расстыковку бортовых и наземных коммуникаций.

И вот мы у машины на нулевой отметке. Начался отвод башни. Все в порядке. Доложил по радию и замер в ожидании команды покинуть старт. До пуска всего пятнадцать минут. Последний взгляд на ракету и теперь как можно быстрее и дальше от нее...

В этот раз в район эвакуации боевого расчета успели добраться вовремя. Но мы еще подходили к траншеям, когда раздались крики «Ура». Ракета была в полете. Она уже поднялась над усами молниеотводов и продолжала быстро набирать высоту.

И вот участок вертикального старта пройден. На высоте около десяти километров ракета начала плавно отклоняться от вертикали. Появился инверсионный след. Визуально и по рокоту двигателей чувствовал, что полет проходил нормально.

Наконец, ракета растворилась в пространстве, а звук работающих двигателей, постепенно затихая, все еще гулко рокотал в утреннем небе. Даже не верилось, что все прошло не как обычно, а наоборот – как должно быть при нормальном пуске. Неужели это долгожданный успешный пуск? Как жаль, что с нами нет Бори Афанасьева и всех, кто видел одни только аварии. Вот бы они порадовались...

Увидел довольное лицо Кузнецова. Он подошел к нам, протягивая руку для поздравления. Уж он, как опытный ракетчик, наверняка чувствовал, что все в порядке.

Улыбающиеся люди спокойно садились в машины. Машины организованно уезжали. Нам же с Петей необходимо было вернуться на старт, чтобы снять наше оборудование с башни обслуживания.

«И все же аварийный пуск – более впечатляющее зрелище, чем штатный», – мелькнула и пропала дурацкая мысль.

Проезжая мимо сто третьего сооружения, откуда велось управление пуском, увидел старшего лейтенанта Лопаткина. Он и был тем оператором, который нажимал всем известную кнопку «Пуск». Остановились, чтобы узнать детали пуска.

– За бугор, – огорошил Лопаткин.

– Да ты что?! – не поверили ему. Хотя, как не верить, если он знал истину из первых рук.

– Вторая ступень не сработала. Предварительная команда на запуск прошла, а дальше полный аут, – сообщил Лопаткин.

– Ну и дела... Промышленность все время нудила, лишь бы первая ступень не подвела, а с остальными проблем не будет. Вот тебе и не будет, – ворчал теперь я, как когда-то Боря Афанасьев, все отчетливей осозная, что наша многодневная круглосуточная работа снова оказалась напрасной, нерезультативной. Приподнятое настроение резко сменилось на противоположное.

Решили никому не сообщать эту печальную новость. Пусть люди хоть немного порадуются мнимой победе. Они заслужили этот отдых, несмотря на отрицательные результаты их труда.

На старте мы еще застали горящее стартовое сооружение и наблюдали за работой пожарных. На наших глазах с силой небольшого взрыва звонко лопнул рельс оттого, что пожарные подали на него потоки холодной воды.

«Придурки», – подумал я, но какая теперь разница, больше или меньше убытков от действий этих дураков, если не выполнена главная задача.

Мы сделали свою работу на старте и приехали на площадку. Там уже вовсю праздновали победу. У дверей гостиницы для работников промышленности нас перехватил радостный Кузнецов.

– Толя, ты куда пропал? Давайте к нам, ребята. У нас шикарная рыба. Сам готовил. Закуски навалом, а вот выпить нечего, – пригасил нас Владимир Александрович. Я снял с пояса и протянул ему фляжку со спиртом.

– Вот, держите пока. Спасибо за приглашение... Петя, – обратился к Иванову, – У нас это все, или у Юры что-нибудь есть?

– Конечно, есть, – с улыбкой ответил Петя, – Суворыч побеспокоился. Все у Юры. Я сейчас к нему сбегая, а вы нас здесь подождите. А то не найду вашу комнату, – попросил Петя и быстрым шагом направился в нашу гостиницу. Оттуда тоже гремела музыка. Народ гудел, дождавшись, наконец, праздника.

– Толя, что такой мрачный? Или случилось что? – встревожено спросил Кузнецов.

– Да устал за двое суток. Поспать удалось только во время заправки на брезенте за электроцитом. Я пойду, Владимир Александрович, а ребята пусть празднуют. Это их первый пуск.

– Нет, дорогой, мы тебя не отпустим. Потом отоспишься, – возразил Кузнецов, – Толя, давай на «ты». Зови меня Володей. Не люблю я эти отчества. Никак не привыкну. Это у нас Мазо большой любитель на «вы» и по отчеству, – предложил он.

– Согласен, – поддержал предложение Кузнецова, – А этот Мазо, откуда у вас взялся? И чем теперь занимаются Пескарев и Сафронов?

– Мазо от вас взялся. Он три года на десятке лейтенантом служил, в отделе анализа. Потом у нас работал старшим инженером, тоже у телеметристов. А когда Пескарева повысили, Бродский его протолкнул к нам начальником. Будто своих не было. Вот теперь и мучаемся, – поделился своими проблемами Кузнецов, – А Пескарев и Сафронов стали большими людьми. Они сейчас высоко – в службе Главного конструктора.

И тут мы увидели занимательную картинку. Впереди, расчищая дорогу и отбиваясь от жаждущих и страждущих, медленно двигался Петя. За ним осторожно, дабы не пролить ни капли содержимого налитой до краев трехлитровой стеклянной банки, внимательно ощупывая почву ногами, перемещался Юра.

Я посидел часа два в компании моих будущих сослуживцев, даже не подозревая об этом. Было весело, но я все же чувствовал, что падаю от усталости. Меня, наконец, отпустили, а ребята остались.

Проспал часов двенадцать. Вскоре ко мне зашел возбужденный и, похоже, уже опохмелившийся Петя. Оказалось, он до сих пор не уезжал на десятку, а переночевал на одной из свободных коек в моем номере, который я вчера даже забыл закрыть.

– Мазо, физо, шизо, – ворчал Петя.

– Что случилось? Чем недоволен? – спросил его, пытаюсь окончательно проснуться.

– Да этот придурок Мазо вчера выступал, выступал... Надоел... Послушать его, так он здесь самый умный, а все остальные дураки. Ну, я этого умника сначала в шашки обыграл, потом в шахматы, а потом и в карты заодно. Хотел в заключение еще и морду набить, но Леня за него вступился... Сегодня с утра тебя будил-будил, но ты так и не захотел вставать. Ну, мы с Юрой отнесли им еще баночку. И снова этот Мазо... Ну, сегодня не удержусь!.. Вставай, пойдем к ним!

– Иди, Петя. Мне что-то не хочется. Обыгрывай его во что хочешь. Только не буянь.

Не успел снова задремать, зашел Гена Соколов, весь помятый и почему-то босой. Он тоже не уехал домой на десятку, но оказался в какой-то чужой компании, а не с Петей и Юрой. Ночевать его определили в пустой номер, где не было даже койки. Он проспал всю ночь на голом полу, подложив под голову китель. Но самое забавное, что когда утром вышел осмотреться, оставил в том номере свой китель с галстуком, фуражку и туфли с носками. А потом уже не смог найти ни свою компанию, ни тот номер. Хорошо хоть меня нашел.

Пришлось срочно вставать и выручать бедного беспамятного Гену.

Петя с Геной прожили в моем номере еще сутки. А когда от полной канистры спирта, выданной Юре Павуницкому, осталось литров пять, этот спирт, вместе с канистрой, прямо из номера Юры стащили волонтеры. Петя был возмущен до глубины души. Часа два бегал по гостинице в поисках хотя бы пустой канистры. Так ничего и не нашел. После этого веселье естественным путем пошло на убыль. И Петя с Геной поехали отдыхать на десятку. Праздник кончился.

Уже на службе узнал подробности аварийного пуска. Первая ступень не успела отработать буквально секунды до момента разделения ступеней. Похоже, причиной неудачи явился взрыв в хвостовом отсеке ракеты.

Ее обломки упали в трехстах пятидесяти километрах от старта. Их разбросало в зоне пятьдесят на тридцать километров. Создана аварийная комиссия, которая должна решить, что делать дальше...

Получил письмо от Тани. Она сообщила, что пришло уведомление из ЦК КПСС, что направлен запрос во все инстанции, в которые я когда-либо обращался. Решение будет принято после получения и анализа ответов.

Похоже, лейтенант Макаров, наконец, окажется в стороне. Не ответит же он, в самом деле, один за все инстанции, как это случалось всякий раз, когда обращался я. Хотя все может быть. Но, кажется, ситуация стала развиваться явно по другому сценарию. Это обнадеживало...

Неожиданно встретил Валеру Панкина. Его волонтерский срок службы давно истек – еще до того, как вывели ракету на старт. Я был уверен, что он уже гуляет в штатском по своему Питеру.

– Армия еще не полностью со мной рассчиталась, – ответил на мой недоуменный вопрос Валера, – Мне так и не сшили парадную форму, не выдали новые яловые сапоги и зимнее белье. Я так и сказал начальнику штаба: «Пока не выдадите, что положено, не уеду».

– Валера, зачем тебе парадная форма? Ты что, в Питере на парады будешь ходить? Ну, сапоги и зимнее белье еще сгодятся, но охота тебе из-за этого здесь сидеть? Я бы сейчас все бросил и рванул в Европу.

– Вот-вот... Они на это и надеются. Мне не парадная форма нужна, а ткань и деньги на пошив. Ткань загоню – покупатели всегда найдутся... А ваш начхоз предложил взамен ткани мешок звездочек и эмблем на погоны. Что я ими дорогу в Питер буду посыпать?.. Пусть дают все, что положено. Я уже здесь третий лишний месяц сижу, а получку мне регулярно выдают. И попробуют не выдавать!.. На гражданке я бы за такие деньги упирался, а здесь ничего не делаю. Даже на службу не хожу... Да я готов еще год прожить в таком режиме.

То была моя последняя встреча с Валерой Панкиным. Вскоре он все же уехал, получив, наконец, денежную компенсацию за все, что недополучил за свои два года службы в армии.

Глава 27. Квартирный вопрос

Я с нетерпением ждал, какое решение примут в ЦК КПСС по моему вопросу. Но никаких писем оттуда Тане больше не поступало.

Накануне новогодних праздников меня остановила группа полковников из управления. Они и сообщили новость, которая потрясла.

Оказалось, на запрос из партийных органов командование части, управления и полигона ответило, что моя жена просто не в курсе – ее муж давно отказался от мысли уволиться из армии и принял решение продолжить военную службу. И поскольку у меня не было взысканий, в министерство обороны направлено представление на присвоение очередного воинского звания – капитан.

Я был вне себя от неслыханного коварства военного руководства. На что они рассчитывали, нагло обманывая высшие партийные органы? Неужели подумали, что меня удержит подачка в виде очередного звания? Интересно, а как они выкрутились с решением моей жилищной проблемы? Что же предпринять, чтобы разоблачить лжецов?

И тут меня осенило: а ведь это и есть тот самый шанс! Если командование поймет, что я не остановлюсь и пойду дальше, что грозит им немалыми неприятностями, они постараются избавиться от меня любыми способами. И самый подходящий – который уже опробован на Саше Дудееве.

Вот только что сделать, чтобы осознали мою решимость идти до конца?

В гостинице ждал очередной сюрприз от директрисы – в моем номере повсюду были свалены горы вещей. Оказалось, ко мне переселили Юру Павутницкого и Лешу Талалаева. Похоже, переселение происходило без них. Директриса по-прежнему была в своем репертуаре.

Вскоре появился Юра, удивленный не меньше меня своеволием администрации. Леша вообще не появился, потому как нередко обитал у своих друзей в общежитии на десятке. Юра тут же собрался на прием к командиру части. Наивный... Пошел за компанию, чтобы напомнить Ананичу о своих проблемах.

Как и следовало ожидать, Юра выскочил от Ананича взъерошенный и, естественно, без результата. Пригласили меня.

– Товарищ полковник, вы получили запрос из ЦК партии по моему вопросу? – сходу спросил Ананича.

– Так точно, и давно направил правильный ответ, – нисколько не смутившись, ответил командир части.

– Что правильный, не сомневаюсь, а вот, что верный – очень сомневаюсь.

– Вы, как всегда, умничаете. Мы вот вас к капитанскому званию представили, хотя ваша должность это не предусматривает. А вы все не понимаетесь, – начал раздражаться полковник.

– А вы меня спросили, изменил ли я намерение уволиться, или нет? Почему вы послали в ЦК ложные сведения? На что вы рассчитывали?.. И как вы решили мою проблему с жильем? – в свою очередь атаковал командира.

– Вы сами заявили полковнику Прохорову, что намерены служить в армии. А потому в нашем ответе никакой лжи нет. Мы разрешили вашей жене жить в нашей гостинице. Что вы еще хотите? Мы можем и отозвать наше представление, – перешел к угрозам Ананич.

– Товарищ полковник, с начальником политотдела я встречался всего один раз. Полковник Прохоров дал мне неделю на размышления, а это значит, что удовлетворительного ответа он не получил. Встреча через неделю по известным обстоятельствам стала невозможной. За минуту до гибели полковник давал инструкции нашему замполиту, как воздействовать

на меня. Вывод очевиден: ваш ответ в ЦК – ложь... Все остальное не имеет никакого значения. Моя жена больше не намерена ко мне приезжать, потому что не сможет оставить грудного ребенка... Мое воинское звание – бессмыслица в гражданской жизни. И еще, товарищ полковник, моя жена – человек упорный, и не удовлетворится ответом, основанным на вашей ложной информации. Делайте выводы, – завершил я свои пояснения отнюдь не двусмысленным намеком.

Вечером получил письмо от Тани. Она сообщила, что их экзотический домик собрались сносить, а им предоставили квартиру на окраине Москвы – в районе станции Лосиноостровская. Сразу после новогодних праздников предстоял переезд, а потому было бы неплохо, если бы мне удалось приехать хотя бы на недельку...

На следующий день вызвали к командиру части. Похоже, мне удалось посеять панику у командования части и управления. Прежде всего, Ананич заявил, что политотдел управления готов ходатайствовать о предоставлении мне квартиры в Ленинске. Единственное предложение – убедить жену не обращаться больше ни к кому.

Я был уверен, что никакие ходатайства не помогут обойти закон. Мне это уже давно объяснили в квартирно-эксплуатационном управлении полигона. А потому спокойно согласился с предложением командира части. Естественно, вопрос о моем недельном отпуске тут же был решен.

Вернулся из отпуска Шурик Шашев. Событие само по себе, не бог весть какое, если не считать, что он привез очередную, третью по счету, жену.

Сам Шурик временно жил в общежитии, а в его квартире оставалась вторая жена с ребенком, с которой он еще только собирался оформить развод.

– Шура, а где вы будете жить? И как ты оформишь пропуск на свою жену, если не развелся с предыдущей? – поинтересовался, ощутив на своем опыте особенности поселения семьи, которой не предоставили квартиру.

– Не волнуйся, – бодро заявил Шурик, – Я в гостиницах за деньги жить не собираюсь. Помнишь, недавно у одного волонтера сгорела квартира?

Да, я помнил тот курьезный случай. Один из волонтеров, накануне своего увольнения в запас, отправил семью в Европу, а затем подготовил вещи к отправке контейнером. Он все, как водится, аккуратно упаковал и сложил на лоджию, откуда их было удобно грузить прямо в контейнер. В роковую ночь волонтер был на службе. А когда вернулся домой, не узнал квартиру.

Оказалось, от брошенного кем-то непогашенного окурка загорелись его упаковки на лоджии, а затем огонь распространился на всю квартиру. В результате, из вещей у него остался только приемник «Спидола», случайно оставленный на кухне, куда огонь не успел добраться.

– Зато теперь контейнер не нужен. Тем более, их нет в наличии. Да и квартиру не надо сдавать в КЭУ и платить за ремонт. Пожар все списал, – утешал себя волонтер, – Вот оно со мной все мое имущество, – добавлял он, нежно поглаживая «Спидолу», с которой больше не расставался.

– Так вот, – продолжил Шурик, – Я узнал, что тот волонтер уехал, а квартиру в КЭУ так и не сдал. После пожара там сделали ремонт, а квартира на распределение не попала. Она числится заселенной. Перед отпуском я ее вскрыл, врезал замок и перенес вещи из общежития... Теперь главное – платить вовремя. И никто не догадается, что я там живу... Когда приехали, жену оставил в Тюра-Таме. Перевез багаж. А когда стемнело, провел в Ленинск по тропе, которую местные казахи проложили прямо под проволокой. Я ее заранее изучил... И разрешения

никакого не понадобилось. Так что устроился шикарно. Не буду же я, как ты, скитаться с женой по гостиницам и деньги платить за номера «люкс», – съехидничал Шурик.

– Ну, Шура, ты даешь! – только и смог сказать, в очередной раз удивляясь его наглой практичности...

На следующий день меня вызвали в политотдел и вручили ходатайство управления. С ним я должен был немедленно отправиться на десятку в КЭУ. Там меня будет ждать кто-то из политотдела. Он и поможет мне решить квартирный вопрос.

По дороге на мотовоз встретил Юру Павутницкого, который тоже направлялся на десятку. Ему надо было сфотографироваться для какого-то документа, поэтому он, как и я, ехал в форме. Недавно Юру избрали в суд офицерской чести. Мы немного поговорили об этом. А потом рассказал ему историю Шурика Шашева.

– Ну, Шура дает! – в свою очередь удивился Юра.

Почти перед самым отправлением мотовоза вдруг увидели бегущего Шуру, который тоже стремился попасть на десятку.

– Давай разыграем Шурика, – предложил Юре.

Быстро наметили план действий и распределили роли, успев все до того, как в вагон влетел запыхавшийся Шашев.

– Шурик, ты далеко собрался в рабочее время? А кто в команде остался? – перехватил я стремительно несущегося по проходу Шуру.

– Я отгул оформил. Там только Петя. Но я подумал, что вы позже подойдете, – испуганно сообщил Шурик, который, конечно же, ничего не оформлял, – А вы сами, почему здесь? – в свою очередь с ехидцей в голосе поинтересовался он.

– Юра едет в КЭУ, как представитель суда офицерской чести. Я туда же. Нас будут ждать офицеры из политотдела. Так что, Шура, мы едем на законных основаниях, а вот ты, вряд ли.

– А что у вас за дела в КЭУ? – смекнув неладное, испугано спросил Шурик.

– Да вот, представляешь, кто-то самовольно вселился в квартиру, которую не сдали в КЭУ из-за пожара. Да еще этот тип поселил туда какую-то женщину, которая незаконно проникла на полигон, – пояснил Юра.

– Иди ты... А откуда это известно?

– КЭУ срочно ищет квартиру для Зарецкого. По его делам были прямые указания из ЦК КПСС. А квартир нет... Вот и вспомнили, что кто-то не сдал. Проверили... Квартира оказалась запертой на другой замок, а соседи сообщили, что недавно там кто-то поселился... А меня, как члена суда офицерской чести, направили разобраться.

– Да мало ли кто там мог поселиться! Почему тебя направили?

– В том-то и дело, Шурик... Кто-то из соседей сообщил, что поселился тип с нашей площадки. Он видел, в какой мотовоз тот садился... Разберусь.

– А про женщину, как узнали?

– Что тут узнавать! Явно незаконно!.. Никто с нашей площадки не оформлял пропусков для женщин, – с серьезным видом продолжал Юра разыгрывать свою роль.

– А я с товарищем из политотдела еду получать ордер как раз на эту квартиру... Как только того типа оттуда выставят, сразу вселюсь, – поддержал я Юру, который уже и так напугал Шурика, судя по его беспокойно бегающим глазкам и хмурому выражению лица.

– А как ты будешь разбираться, если там никого нет? – не унимался заинтересованный Шурик.

– Женщина там прячется и никому не открывает. Я сейчас с патрулем вскрою дверь и передам ее в комендатуру. В камере она быстро расколется. А патруль останется дожидаться этого типа. Как только появится с работы, его в комендатуру и доставят, – изложил Юра свой план действий.

– Иди ты! А дальше что?

– А дальше – как положено... Суд офицерской чести и увольнение этого мошенника из армии за действия, порочащие офицерское звание... А остальное будет зависеть от женщины. Если вдруг окажется шпионкой, этот тип еще и сядет за содействие шпионажу, – завершил Юра и замолчал.

Навалилась гнетущая тишина. На Шуру было больно смотреть. Он был перепуган не на шутку. А мы с Юрой с трудом сдерживались, чтобы не рассмеяться и все же довести это дело, как и наметили, до логического конца.

– Неужели все так серьезно? – тусклым голосом прервал затянувшуюся паузу Шурик.

– А ты как думал?.. Меня сегодня председатель суда с утра инструктировал, как себя вести, и все статьи показывал. Закон суров, но справедлив. Этому типу несдобровать.

Снова наступила томительная пауза.

– Ребята, – вдруг жалобным голосом обратился к нам Шурик. Мы насторожились, понимая, «клюнуло», – Этот тип я, – сделал, наконец, Шашев чистосердечное признание.

Похоже, от пережитого страха он даже забыл, что все рассказал мне еще вчера утром на службе. Мы изобразили глубокое изумление.

– Ты!?! – удивленно спросили хором. Шура только кивнул, не в силах говорить от охватившего ужаса.

– Шура! Да как ты мог! – уже слегка переигрывая, деланно кипя от негодования, начал Юра, – Я в тебе всегда видел образцового старшего лейтенанта, а ты повел себя, как младший лейтенант, или того хуже – как простой старший прапорщик... И в какое положение ты меня поставил? Что мне теперь делать?.. В общем, так. Сейчас мы все вместе идем в КЭУ. Попробую там уладить твоё дело с товарищем из политотдела. А там уж не знаю, как пойдет дальше. Или тебя сразу арестуют, или обойдется.

В холодном купе с Шуры ручьями лил пот. Он молча хлопал глазами и тяжело дышал перегаром.

– Ребята, выручайте. По гроб буду обязан. Придумайте что-нибудь, – вдруг засуетился Шурик.

– Да что тут придумаешь, – включился я, – Шура, ты меня квартиры лишил. Выручу тебя, мне хана. Не выручу – тебе. Ты бы, Шура, как поступил на моем месте?.. Наверняка сдал бы немцам.

– Каким немцам? – тупо спросил, уже ничего не понимая, Шура.

– Да их уже наши отогнали, пока ты мою квартиру захватывал, – все так же серьезно продолжил я. На мокром лице Шуры медленно проступило подобие улыбки. «Еще догадается, что разыгрываем», – сообразил я, – Ладно, Шура, мне квартира в принципе не нужна. Я все равно увольняюсь. Будем думать, как тебя выручать, – решительно закончил свою часть игры.

Юра все еще молча изнывал от невозможности слишком долго сдерживать смех. Внезапно он поднялся и быстро выскочил в тамбур.

– Куда это он? – испугано спросил Шурик.

– Не знаю... Может, предупредить службу режима, чтобы тебя не выпускали из вагона до прибытия патрулей? – сделал я вполне правдоподобное предположение.

– Иди ты! – снова загрустил, оживший было, Шурик.

Вернулся очень строгий Юра.

– Старший лейтенант Шашев! – официально обратился Юра, – Вы арестованы до решения вашего вопроса! Сразу с мотовоза самостоятельно отправляйтесь под домашний арест. Из квартиры не выходить до нашего прибытия... Женщину тоже не прячьте. Это бесполезно... По дороге зайдите в магазин и купите пару бутылок самого лучшего коньяка. Закуска, надеюсь, найдется. Все поняли, гражданин Шашев?!

– Ребята, вы меня разыгрываете? – начал стремительно приходить в себя Шурик, едва услышал про коньяк и закуску, которые надо было покупать за свои кровные.

– Гражданин Шашев! Мне что, пригласить службу режима и действовать по инструкции председателя суда?.. Какие могут быть шутки?! Шутить будем, если дело удастся замять!.. А если удастся, Шурик, неужели твоя квартира не стоит двух бутылок коньяка?.. Да и не удастся, хоть перед тюрьмой выпьем на посошок, чтоб хорошо сиделось, – окончил выступление Юра.

– Я понял, – снова сник потерявший от страха бдительность Шура, – А если хорошего коньяка не будет?

– Шура, мы что, с тобой торговаться будем?.. Найди!.. Побегай по десятке... Ты у меня квартиру спер. Я же молчу... И не вздумай на нас экономить! Мы проверим, – взорвался я, зная мелочный характер Шурика.

На десятке каждый занялся своим делом. Шурик побрел искать коньяк, Юра пошел фотографироваться, а я направился в КЭУ, где меня уже ждали.

Как и думал, ходатайство не помогло. Работники КЭУ долго беседовали с нашим политработником, пытаясь популярно втолковать, что они не имеют права нарушать законы, руководствуясь подобными ходатайствами и даже приказами командования. А потому мой вопрос не может быть решен предложенным способом, ни при каких обстоятельствах. Не знаю, что доложил представитель политотдела, но больше этот вопрос никогда ни на каком уровне со мной не обсуждался...

Мы встретились, как договорились, с Юрой и вместе навестили Шурика, обрадовав его и жену счастливым известием, что нам удалось закрыть вопрос их незаконного вселения.

И это был единственный на моей памяти случай, когда Маленький Наполеончик добросовестно исполнил роль радушного хозяина, искренне угощающего дорогих гостей. Мы с Юрой это сделали!

И еще мы договорились, что никому не расскажем об этом розыгрыше, потому что слухи непременно дойдут до «пострадавшего», а такой удар он не перенесет...

А вскоре я отправился в недельный отпуск – в последний отпуск периода армейской службы. Не знаю почему, но интуитивно это ощущал. Ощущения усиливались и задачами, которые предстояло решить. Я должен был начать обустройство своего будущего жилища.

Светланка порадовалась тем, что уже свободно перемещалась по детской кроватке. Таня рассказала, что она даже пыталась ходить по полу, но упала. Больше попыток ходить не делала, видимо испугалась.

Съездили на новую квартиру. Дорога до метро «ВДНХ» была давно знакома. От метро автобусом, который шел по узкому Ярославскому шоссе, минут за двадцать добрались до своей остановки. Пять минут ходьбы, и мы на месте – у группы типовых панельных домов брежневской эпохи.

Отстояв небольшую очередь из будущих жильцов своего подъезда, получили ключи и комплект сантехники. Квартира понравилась. Без мебели она казалась просторной. Жаль только, не было балкона.

Радовал пейзаж за окном. С нашего пятого этажа чуть поодаль виднелась небольшая, темно-красного кирпича церковь с голубыми куполами и горящими на солнце золотыми крестами. А на переднем плане – деревенская идиллия. Маленькие деревянные домики, огороженные глухими заборами, и сады, сады, сады. Вдали очерчивал горизонт лесной массив Лосиного Острова.

Довольно быстро нашли хозяйственный магазин, где купили весь необходимый инструмент, замок и карнизы для штор. Вскоре замок, карнизы и сантехника заняли свои места. Можно было въезжать в квартиру.

На следующий день заказали автотранспорт и начали паковать вещи. На сборы у нас было три дня, а потому успели еще раз съездить на новую квартиру и установить светотехнику. Хозяйственные хлопоты радовали. Я любил и умел делать все своими руками.

И вот мы, наконец, переехали. Теща, впервые увидев новую квартиру, была в восторге. Особенно понравился пейзаж за окном, напомнивший ей деревенское детство. Вещей было явно мало для такой квартиры, и они быстро заняли свои места. Снова порадовала доченька – в первый же день на новой квартире она самостоятельно пошла по полу. И я видел ее первые шаги!

Дело сделано. Отпуск прошел, как одно мгновение. В новой квартире переночевал всего одну ночь. И вот уже Таня проводила в аэропорт. Мне оставалось служить меньше полугода.

Глава 28. Клуб водников

В части ждала удивительная новость: майор Мирошник подал рапорт об увольнении из армии!

В разговорах с офицерами группы он сообщил, что его, якобы, пригласили работать председателем передового колхоза на Украине. И он, конечно, не может упустить такой шанс. Зная не понаслышке о тайных делишках Мирошника, я не поверил, что тот хотел уволиться именно по этой причине. Скорее всего, боялся разоблачений и неизбежного серьезного наказания за содеянное.

А вскоре, несмотря на строжайший режим секретности, пронесся слух, что на космодром прибывает какая-то очень важная комиссия ЦК КПСС. Что будет проверять, пока не знал никто, но на всякий случай началась лихорадочная суэта по устранению недостатков и созданию видимости идеального армейского порядка, а заодно и по сокрытию всех неблагоприятных дел. Как говорил о подобных мероприятиях наш начальник штаба майор Мирошник, «начали готовить потемкинскую деревню».

Скорее всего, Мирошник что-то знал о предстоящих проверках, а потому пытался скрыться заранее. А это значило, что в его делишках участвовали какие-то «серьезные» партнеры или же у него были высокопоставленные покровители, которые его предупредили.

Один из таких людей мне был известен давным-давно – это полковник Львов, один из заместителей начальника полигона. С Мирошником их связывало общее увлечение – водный туризм. Полковник Львов часто выступал по местному телевидению. Обычно он рассказывал о путешествиях по крупным рекам, которые совершал вместе с офицерами полигона – членами местного клуба.

Впервые об этом увлечении Мирошника узнал, когда делал спецкласс. В комнате, где сержанты потрошили электронные блоки, случайно увидел чертежи каютного катера приличных размеров, а у стены стояли листы толстой авиационной фанеры, на которых были размечены шпангоуты. От сержантов узнал, что разметкой занимался лично Мирошник. А катера – его хобби.

Примерно через полгода мне сообщили, что два бойца нашей команды ежедневно направляются не на службу, а на какие-то работы в распоряжение Мирошника. Удалось разговорить бойцов, и они поведали, что в каком-то ангаре на соседней площадке строят катер. Гражданская специальность у обоих бойцов была одной и той же – столяр-краснодеревщик.

А месяца через три я получил поручение Липинского – доставить особый груз на станцию Тюра-Там. В последний момент, уже вручая документы, Липинский объявил, что они фальшивые, а груз незаконный – катер Мирошника. А затем дал полный инструктаж на случай обнаружения фальшивки и ареста груза службой режима. И здесь впервые был упомянут полковник Львов, на устное распоряжение которого я должен сослаться.

Это задание успешно выполнил. Катер был доставлен на станцию и погружен на железнодорожную платформу. Судно было настолько велико, что полностью заняло всю платформу. Там же увидел еще несколько платформ с подобными судами. Судя по всему, готовился большой поход.

А на следующий день Липинский вручил пакет, в котором обнаружил четыре бутылки армянского коньяка. Это была «благодарность» Мирошника за риск, которому подвергался, совершая незаконные действия.

Чуть позже случайно услышал забавный рассказ одного из офицеров нашей группы о так называемом клубе водников на десятке.

– Представляешь ситуацию, – рассказывал тот Гене Соколову, – Как это ты меня непустишь, спрашиваю?.. Я капитан, начальник патруля, а ты рядовой, без увольнительной и документов стоишь у двери какого-то сарая на берегу Сыр-Дарьи, на территории моего патрулирования. Да я тебя сейчас в комендатуру заберу... А он мне нагло так, это не сарай, а клуб водников, и я поставлен, чтоб посторонних не пускать... Это я-то посторонний?! Ну, дал команду своим бойцам. Они его отодвинули, и мы прошли внутрь. Мама моя! Это снаружи только сарай, а внутри – целый МИК! Все отделано вагонкой. Лампы дневного света в несколько рядов. И на стапелях с десятков огромных посудин. А вдоль стенки – гигантские металлические боксы. И на каждом написано, кто хозяин. Полковник Львов, майор Мирошник и дальше по списку.

– Что, так и написано, майор Мирошник? – переспросил Гена.

– Огромными буквами!.. А тут входит здоровенный сержант. На меня ноль внимания. Тут же бойцу, ты зачем его пустил? А боец ему, они сами вошли... А ты, зачем стоишь? Выгоню к чертовой матери! Будешь служить, как все, кричит... И, представляешь, каков наглец, выйдете, говорит, отсюда, товарищ капитан. Это мне-то!.. Ну, поставил его по стойке «смирно» и объяснил некоторые положения устава... Так он угрожать начал! Я, говорит, сейчас полковнику Львову позвоню, так он лично вас отсюда выставит. Тут уж я из себя вышел. Достал пистолет и объяснил ему, кто я такой. Успокоился... Зашел в другую комнату, а там целая казарма. С десятков бойцов лежат на койках, смотрят телевизор. Полный бардак. Ну, позвонил в комендатуру и доложил о незаконном проживании бойцов вне казармы. Так знаешь, что мне ответили?

– Что?

– Уноси оттуда ноги, капитан, пока ни появился кто-нибудь из офицеров. И не подходи туда ближе, чем на пятьсот метров, если не хочешь неприятностей. Вот так, – закончил он рассказ...

А несколько позже я узнал, что катера уходили в поход только в одну сторону водного маршрута. В конечной точке их уже ждали покупатели. Отдохнувшие водники продавали свои суда и с немалыми деньжищами возвращались в Ленинск обычным транспортом. Нередко этим транспортом был военный вертолет, который вызывали из Ленинска.

А к новому сезону строили новые суда. Благо, и материалы, и рабочая сила, и горючее, да и вертолет, – все было бесплатным, или, на худой конец, приобреталось за краденый спирт. Умели поработать и отдохнуть с пользой для себя высшие офицеры...

Неожиданно Мирошник исчез, а у нас тут же появился новый начальник штаба группы – интеллигентного вида капитан. Все терялись в догадках, куда же подевался майор Мирошник. Но месяца через два он возник в качестве заместителя командира части по технике. А вскоре майоры Мирошник и Черныш стали подполковниками, а новенький капитан – майором...

Еле удалось отстоять Юру Павутницкого. Снова начались переводы офицеров в другие части. Первыми кандидатами оказались Юра Павутницкий и Леша Талалаев. Командование припомнило, как вопреки его воле, вынуждено было переназначить их к нам. Очередное вмешательство управления не помогло.

И тогда я посоветовал Суворову применить безотказный метод Липинского...

Сработало. За канистру спирта простой прапорщик, готовивший документы для приказа о переводе, убрал личное дело Юры, заменив его чьим-то другим.

К сожалению, этим другим, случайным образом выбранным офицером, оказался Хахин. Его, даже не подозревавшего ни о чем, и Лешу, за которого его командиры пожалели канистру

спирта, приказом перевели в другую часть, что располагалась километров на двадцать дальше от Ленинска, чем мы.

Вскоре по полигону поползли слухи о результатах работы комиссии. Главным героем этих слухов был полковник Львов. Комиссия выявила беспрецедентные злоупотребления служебным положением, как в его службах, так и лично этим типом. Самые крупные касались распределения личных автомобилей. Оказалось, для офицеров полигона было выделено столько автомобилей, что хватило бы на все взрослое население Ленинска. А на полигоне по-прежнему громадные очереди военнослужащих, желающих приобрести личный автотранспорт.

Полковник, как установила комиссия, успешно торговал выделяемыми для полигона автомобилями, которые распределялись его «агентами» прямо в Европе.

Выявили и злоупотребления в распределении жилья, выделяемого увольняемым в запас военнослужащим полигона. Им тоже торговали. А у самого полковника оказалось целых три квартиры в крупных городах страны.

Обнаружили и незаконное использование военных вертолетов. Клуб водников был закрыт, а его имущество арестовано. Именно в тот период временно исчез член этого клуба майор Мирошник.

Насколько мне известно, полковника Львова уволили из армии. Отдали ли его под суд, не знаю. Не исключено, что он смог выйти сухим из воды, как и его друг – новоиспеченный подполковник Мирошник.

Меня же вдруг настолько загрузили заурядными армейскими нарядами, что такой нагрузки у меня не было даже в первый год офицерской службы. Через месяц беспросветной жизни я снова впал в состояние депрессии, совсем как после нелепых поздравлений сослуживцев с гибелью полковника Прохорова. Пусть тот угрожал мне тюрьмой, но не стал врагом настолько, чтобы я воспринимал трагедию как праздник.

Глава 29. Ночные кошмары

Я снова погрузился в состояние глубокой депрессии. И чем глубже тонул, раздавленный ощущением полной безнадежности, тем ярче и страшней становились мои ночные кошмары.

В своих снах я заново переживал не только реальные события моей жизни, но и совсем фантастические. Страшные сны повторялись и повторялись. Они буквально изматывали, причем, гораздо сильнее, чем бессонные ночи на службе. Но очень скоро, опасаясь повторения очередного кошмара, разбудившего среди ночи, перестал спать даже в выходные.

Когда мне было около пяти, в мои сны впервые прорвался и ужаснул фрагмент чьей-то жизни. С той поры и лет до семи тот страшный сон повторялся довольно регулярно, пока ни выучил его наизусть, до мельчайших подробностей. Но самое удивительное, в том сне ощущал именно себя, а ни постороннюю личность. Окружавшие говорили на незнакомом языке, но я их понимал. То был не немецкий язык, потому что в свои пять лет нисколько бы не удивился – тогда я свободно общался на этом языке. Позже понял – то был то ли польский, то ли чешский.

Казнили какого-то человека. Я видел все до мелочей и мог бы подробно описать любую деталь трагической сцены. Меня окружали люди в удивительно красивой одежде, украшенной мехами, птичьими перьями и еще чем-то ослепительно сверкающим на свету. Стройными колоннами стояли солдаты в невиданной до того железной одежде. Очень много солдат. Вот только в руках у них были не автоматы, как у охранников лагеря военнопленных, а очень длинные палки или громадные, как у нашего повара, ножи. Не могу сказать, какого возраста был во сне, но думаю, далеко ни пятилетний ребенок.

Помню тот ужас, который охватил, когда бедняге отсекли голову и подняли ее за волосы. Я видел искаженное страхом смерти лицо казненного, его обезглавленное тело и вздувающийся кровавый пузырь на месте головы. В пять лет я не мог знать подобных подробностей. Такого не показывали даже в фильмах, тем более, свой первый фильм увидел лишь в семилетнем возрасте.

Откуда, от какого предка досталась эта генетическая память о пережитом когда-то ужасе? Не знаю. Но я болел той чужой болью много лет подряд – всякий раз, когда неконтролируемая во сне память подбрасывала мне, малолетнему ребенку, те жестокие события далекого средневековья. И вот теперь, через много лет, вновь и вновь переживал ужас кровавого зрелища.

Иногда мне снился и тот большой пожар в деревне, когда уже сам испытал страх смерти. Тогда сгорели двенадцать домов вместе с хозяйственными постройками. Мне было лет десять, но я наравне со всеми боролся с огнем. Когда мы с деревенскими ребятами прибежали с речки, где купались, горели только два дома. Но был сильный ветер, и огонь легко перебрасывался от одной деревянной хатки к другой. Их соломенные крыши вспыхивали, как факелы, а потом разгорался и сруб, обмазанный саманом.

Взрослых было мало – они работали в полях и на фермах. И с огнем, до прибытия мужчин, боролись только женщины и дети. Было ясно, что горящие дома не спасти. И мы спасали те, к которым уже подступал огонь. Я стоял на коньке соломенной крыши, мне передавали воду в ведрах, и я проливал опасные участки.

И вот мне долго не давали воду – пытались спасти другой дом. Я ощущал, как от горящего соседнего дома раскаляется воздух вокруг, слышал, как шипит испаряющаяся в гуще соломы вода, и буквально кожей чувствовал, что крыша вот-вот вспыхнет.

– Воду!!! – кричал подающим, но меня никто не слышал. Оглянулся и не увидел лестницу – ее уже переставили к другой хате. Меня охватил панический ужас оттого, что загорись эта хата, мне уже не спуститься, и я заживо сгорю вместе с ней. И тут сторона крыши, обращенная к горящему сооружению, вспыхнула. Жаром обожгло лицо. Я упал на живот и стал

медленно сползать, хватаясь за пучки соломы. И вот я на краю крыши. До земли метра три-четыре, но я не вижу, что подо мной, а держаться уже не за что.

– Прыгай! – крикнул вдруг кто-то снизу, и я, не раздумывая, прыгнул, как оказалось, прямо на нашего соседа – дядю Захара, который подоспел очень вовремя.

А вот еще сон про наводнение, которое когда-то показалось даже страшнее пожара. Мне лет двенадцать. Прямо с утра бабушка отправила за хлебом в райцентр. Не помню, почему, но хлеба в деревне тогда долго не было. Я купил двадцать буханок и вернулся вечерним рабочим поездом. Меня не встретили, а потому мой ценный груз пришлось нести со станции одному. А это три километра по глубокому песку. Но когда подошел к нашему мосту через Гнилую речушку, оказалось, она разлилась, совсем как весной, и невысокий мост полностью скрылся под водой.

На том берегу меня ждал десятилетний брат Сашка. Он крикнул, чтобы я шел в обход – на большой мост, что в километре выше по течению. Он там встретит, и мы разделим груз, чтобы легче нести.

По дороге брат рассказал, что как только я пошел на станцию, начался проливной дождь, который лил несколько часов подряд. Обе наши речушки – Гнилая и Мечетная – вздулись и почти вышли из берегов, но это не удивляло. А потом прошла волна с метр высотой и хлынула большая вода, затопившие сады и огороды. Похоже, прорвало плотину одного из прудов, что были устроены выше по течению Гнилой речки.

Мы с братом успели дойти до дома, когда подошла вторая волна. Бабушка тут же схватила на руки нашего младшего Володю и бросилась через огороды по дорожке, по которой мы только что пришли, но там, где мы шли посуху, ей пришлось брести по пояс в воде. Мы же чуть замешкались в доме, и когда хотели, было, броситься в воду вслед за ней, почувствовали, что опоздали. Мы видели, что бабушка уже вышла на сухое возвышенное место. Между нами было метров пятьдесят, но теперь не просто разливающейся воды, а стремительно несущегося потока с массой каких-то бревен, клоков соломы и вообще непонятно чего.

Теперь мы были на острове, площадь которого быстро убывала. Бабушка крикнула, чтобы мы прикопали вход в погреб и лезли на крышу дома.

Мы быстро прикопали погреб, установили лестницу, и вдруг увидели, что по ней на крышу веранды быстро взобрался наш кот. Тут же отправили к нему собаку. Это оказалось не так уж легко, но вдвоем справились. После этого догадались открыть курятник. Выскочившие куры в панике заматались по двору. И тут увидели третью волну. Вода начала быстро заливать двор. Бегая по колено в воде, мы с братом хватали обезумевших кур и подбрасывали вверх. В воздухе те, похоже, приходили в себя, взлетали и садились, куда надо.

Вскоре и мы поднялись на крышу. Оставалось только наблюдать. А картина вокруг становилась все страшней и страшней. Мимо нас проплывали трупы свиней, коров и прочей живности. Плыли вырванные с корнем деревья. Неожиданно всплыл наш мост, и стремительный поток понес его, разбивая на бревна.

Дома на другом берегу уже были залиты по окна, а вскоре бурлящий поток выдавил стекла углового дома. Через минуту дом медленно осел на одну сторону, потом как бы опрокинулся набок и развалился. Его останки, ускоряясь, понеслись вслед за бревнами моста.

А поток навалился на следующий дом. Минут через пятнадцать и с ним было покончено. Еще через полчаса развалился третий. А на крыше четвертого дома, что прямо против нашего, сидели соседи и кричали от страха. Мы с ужасом ждали, что произойдет.

Но было заметно, что поток потерял силу. И хотя вода проникла внутрь помещений, хата все еще стояла. Быстро темнело. Из низких туч снова хлынул дождь.

Вскоре промокли до нитки. Наступила ночь. Все заслонила крошечная тьма. Только со всех сторон все еще шумел водный поток.

Часа через два дождь, наконец, кончился. Мы дрожали крупной дрожью. Хотелось есть. Поскуливала собака. Тихо сидели только куры и кот.

Поток постепенно затих. Возможно, спала вода. Наш дом стоял на самом возвышенном месте. Как потом оказалось, только он и остался сухим.

Я решил спуститься с крыши, но брат боялся остаться в одиночестве в абсолютной темноте. Тогда предложил попробовать ему. И это не подходило.

Нащупав лестницу, стал осторожно спускаться. Неожиданно лестница поехала, и я вместе с ней с размаху шлепнулся в жидкую кашу. Сверху закричал испуганный брат. Поднявшись, успокоил брата. Жижи было по колено.

Нащупал входную дверь, открыл ее и осторожно пробрался на кухню, где лежали спички. Зажег керосиновую лампу. Благо, она всегда была наготове. Посмотрел на себя в зеркало и ужаснулся. С лампой вышел на двор и поставил ее на лавочку. В грязной жиже с трудом отыскал лестницу. Вскоре мы с братом оказались в хате. Переоделись в сухую одежду и, наконец, согрелись.

Вышли на двор и попытались спустить собаку. Это оказалось не по силам. Вернулись, немного поели и уснули, даже не погасив лампу. Утром нас разбудила бабушка, добравшаяся на какой-то лодчонке.

Реже снился аварийный пуск боевой ракеты. Это случилось то ли весной, то ли осенью. Помню только, что было прохладно. Я спешил на мотовоз, чтобы добраться на стартовую площадку. Со мной были несколько бойцов из моего расчета. У всех были изолирующие противогазы.

С некоторых пор о пусках ракет шахтного базирования стали предупреждать заранее и требовали, чтобы на весь период пусков военнослужащие имели с собой противогазы. За этим строго следили патрульные, но как всегда нарушителей хватало. Приказ о постоянном ношении противогазов не воспринимался всерьез и многими считался дополнительным поводом для придираков.

Мотовоз уже подходил к станции «Песчаная», а мы прошли лишь треть пути. Пришлось ускориться, чтобы не опоздать. В это время раздался рокот двигателей стартующей ракеты. Бойцы, было, остановились, чтобы посмотреть, но я поторопил их, потому что мотовоз уже встал у платформы.

Неожиданно гул двигателей как обрезало. Выходившие из мотовоза люди остановились, и уже все без исключения смотрели в небо. Я оглянулся и увидел знакомую картину аварийного пуска. На землю падали две ступени развалившейся ракеты. Но смотреть было некогда, и мы рысью понеслись к мотовозу.

А народ уже смотрел на зрелище не с интересом, а с возрастающей тревогой. Мы же, наконец, забрались в мотовоз и тоже посмотрели в сторону, куда упали обломки ракеты.

То, что увидели, было необыкновенно зрелищно, но одновременно пугающе. Два огромных оранжевых облака ядовитых компонентов ракетного топлива, образовавшихся на небольшой высоте в районе разрушения ступеней, стремительно перемещались в сторону железнодорожного полотна между станцией и стартовой площадкой, куда мы должны ехать.

Неожиданно мотовоз дал гудок и тронулся в опасный путь. Прыгать было поздно. Оставалось ждать и надеяться. В нашем кубрике противогазы оказались только у нас. Остальная публика уже бросала на нас недобрые взгляды. И все мы с ужасом наблюдали за приближающимся облаком от разрушившейся первой ступени ракеты.

И вот часть его уже прошла прямо над поездом, но было видно, что из облака прямо на землю выпадает нечто вроде дождя. И этот «дождь» высокотоксичных компонентов топлива уже «прибивал пыль» метрах в ста от нас. Все, как замороженные, смотрели на гибельный туман, который грозил вот-вот поглотить наш поезд...

И я понял, что медлить нельзя:

– Плотнo закрыть окна и двери! – скомандовал бойцам, – Вынуть носовые платки, свернуть вчетверо, намочить водой из фляжек. Дышать через платки! – выдал им в принципе бесполезные инструкции. Но они заставили людей хоть что-то делать. Все, включая офицеров и штатских, дружно принялись исполнять мои команды.

– Приготовить противогазы и гаечные ключи, – тихо сказал своим бойцам, – Противогазы надеть по команде. Отбивайтесь ключами. Это единственный шанс спастись.

Дождь уже шел метрах в пятидесяти от нас. Главное, вовремя надеть противогазы – не раньше, не позже. Наденешь вовремя, нападать, похоже, будет некому.

И вот мы проскочили опасную зону. Но с треском распахнулась дверь и в вагон ввалилась охваченная паникой толпа. В одно мгновение по проходу пронеслись озверевшие от ужаса люди, яростно пиная друг друга кулаками и тяжелыми ботинками.

На всякий случай решил проверить освободившиеся вагоны. Мы с бойцами успели дойти до входа в предпоследний вагон. Пострадавших не обнаружили, но в те два вагона не пошли, почувствовав характерный запах от взаимодействия материалов вагона с сильнейшим ракетным окислителем.

Когда мотовоз остановился, и мы вышли из вагона, нашим взорам предстало ужасное зрелище. Похоже, машинист принял единственно правильное решение. Было видно, что ветер понес развернувшееся в полнеба ядовитое облако прямо на жилую площадку, откуда мы только что уехали.

Мы быстро добрались до пятидесятого сооружения, но оно оказалось надежно запертым изнутри. Подошли к бронеокнам бункера и увидели, что оттуда на нас с удивлением смотрят наши коллеги. Жестами попросил открыть входную гермодверь, но они категорически отказались, жестами показывая вверх и отрицательно качая глупыми головами.

Мы постояли под окном бункера, ожидая, пока затворники придут в себя. И лишь когда похлопал рукой по висающему на плече противогазу и многозначительно покрутил пальцем у виска, до них, наконец, дошло.

Мы находились вне бункера, а они отказали нам в спасении наших жизней. А если бы действительно была необходимость?

Мы находились снаружи и были живы, а значит, опасности не было. Осознав последнее, нам, наконец, открыли.

– Я с тобой в разведку не пойду, – сказал Лопаткину, открывшему дверь бункера, – Да и вообще со всей вашей камарильей... А если бы мы погибли под вашими бронированными окнами?

– Не погибли же... Ты видел, какое облако над нами прошло?!

– Что над вами прошло?! Ты туда посмотри, предатель!.. Мы прямо под облаком проехали. Даже последние вагоны зацепило. А вы и пальцем не пошевелили, чтоб нас спасти, – и показал ему на облако.

Лопаткин, вдруг увидевший реальную картину катастрофы, тут же побежал в помещение. Вскоре обитатели бункера уже были на нулевой отметке и вместе с нами наблюдали за развитием событий.

К счастью, ветер переменялся, облако постепенно переместилось в нежилую зону и рассеялось в пустыне.

Лишь на следующий день узнал, что творилось на площадке. Когда облако двинулось в сторону жилой зоны, опасность ситуации осознали лишь некоторые из офицеров. Бросив все, многие позорно бежали, не предупредив никого. Штатские, глядя на военных, тоже сообразили, в чем дело. Начался общий драп, в котором каждый выживал автономно.

А в части объявили тревогу. По тревоге, как положено, бойцы и офицеры с оружием и полной выкладкой построились на плацу. А дальше – обязательные доклады о готовности, объявление маршрута движения и порядка следования подразделений. Наконец, вся часть походной колонной организованно двинулась в степь.

Но, едва офицеры и бойцы осознали реальную опасность, побросав оружие и амуницию, все драпанули от облака, кто, куда счел нужным, и кто, как мог. В ревущей толпе, в которую превратились стройные колонны, витал дух панического страха перед безжалостным, смертельно опасным противником, которому невозможно противостоять. Спасти от мгновенной смерти можно было только тем, кто имел индивидуальные средства защиты – противогазы, но они, в панике брошенные вместе с оружием, уже были не у всех.

И никто не объяснил, что армейский противогаз в такой ситуации бесполезен. Спасти мог только изолирующий противогаз. Но бойцы этого не знали, и за армейские противогазы развернулись безжалостные сражения, где побеждала сила, удесятеренная страхом. Бойцы стройбата, которым противогазы вообще не выдавали, отлавливали бегущих ракетчиков и на ходу силой отбирали спасительные средства защиты. Шла бескомпромиссная борьба за жизнь обреченных на гибель людей.

И, наконец, командование просто забыло о бойцах караула, которые так и остались на своих постах, не имея права их покинуть без команды...

Облако накрыло полностью лишь техническую площадку. Обычно в такое время людей на площадке немного, но они все-таки оставались. Однако, никто не догадался не только их эвакуировать, но даже оповестить об опасности. В МИКе обошлись тем, что выключили приточную вентиляцию, включив на полную мощность вытяжную. В результате МИК превратился в громадный вакуумный насос, интенсивно всасывающий отравленный воздух через все щели и отверстия в здании. Почувствовав характерный запах, люди быстро сориентировались, вскрыли кладовые, отыскали и задействовали изолирующие противогазы.

Многие, у кого был транспорт, тут же умчались в безопасную зону.

И только по счастливой случайности, облако не накрыло несколько сотен убежавших от него беспомощных людей. Из-за внезапного изменения направления ветра оно прошло в стороне, иначе многочисленных жертв избежать бы не удалось...

Но чаще всего в состоянии депрессии мне снился мой самый большой кошмар – сон о трагических событиях, которые случились в административном корпусе МИКа. Эти кровавые события оставили неизгладимый след в моей генетической памяти – очевидно, в одном ряду с эпизодом казни несчастного человека, жившего в средневековье.

Я был начальником патруля, в задачу которого входил контроль участка между казарменной зоной и технической площадкой. Именно на этом участке произошло несколько нападений на женщин, возвращавшихся из МИКа в гостиницу. А потому маршрут считался ответственным.

Мы с бойцами находились в районе КПП технической площадки, когда со стороны МИКа послышалась короткая автоматная очередь. Через время другая, затем третья, четвертая...

Мы бросились к КПП, чтобы узнать, что происходит. Но контролеры сами были в недоумении. В это время подъехала машина со знакомыми представителями промышленности. Через минуту мы уже были у административного корпуса.

В вестибюле, прямо у вертушек проходной с оружием наизготовку стояли несколько бойцов и молодой растерянный лейтенант – начальник караула. Раскинув руки и широко раскрыв глаза, лежал раненый в живот окровавленный боец. По всем признакам он был мертв. А корпус сотрясали автоматные очереди, гремевшие, казалось, отовсюду.

– Что происходит? – спросил лейтенанта.

– Меня теперь посадят. Мне конец. Мне не оправдаться. Меня посадят, – едва не плача, скороговоркой причитал лейтенант.

Своим растерянным видом и причитаниями он напомнил деревенского тракториста Васю, который когда-то научил меня работать на тракторе.

Тот точно так же плакал и причитал, когда от искры из выхлопной трубы его трактора сгорели четыре гектара пшеничного поля. Тогда он, получив ожоги рук и лица, спас свой заглохший трактор, чудом вырвав его буквально из огня.

Но его опыт жизни в глухой деревне смоленской области подсказывал, что всю вину за плохую подготовку этой древности, этого ископаемого трактора спишут на него. Его посадят. Ему искалечат его молодую жизнь...

Тогда в нашей деревне Васю не дали в обиду. Из Васи даже сделали героя, которым он, по сути, и был.

И мне вдруг захотелось в память о том Васе сделать все возможное, чтобы помочь молодому растерянному лейтенанту, так на него похожему.

– Спокойно, лейтенант. Не посадят. Забудь. Действуй, – первым делом ободрил лейтенанта, – Кто это его? – показал на лежащего бойца.

– Не знаю, – уже бодрей ответил лейтенант, почувствовав поддержку.

– Кто стреляет? Сколько их? – попробовал я оценить обстановку.

– Бойцы караула. Пытаются его окружить и поймать.

– Он один? Вооружен?

– Автомат. Отобрал у караульного. Караульный убит.

– Дай команду прекратить огонь. Пусть уточнят, где преступник. Действуй!

Лейтенант все мгновенно исполнил. Стрельба прекратилась. Вскоре доложили, что преступник обнаружен в коридоре последнего этажа.

А потом мы с начальником караула долго бежали вверх по лестницам административного корпуса МИКа. Неожиданно совсем близко раздалась две автоматные очереди. Мы же, наконец, выскочили на площадку верхнего этажа. Перед нами длинный коридор. На площадке залегли два бойца, и стоял, не пригибаясь, решительного вида сержант.

– Кто стрелял? – спросил я сержанта.

– Да этот, тра-та-та.

– В вас?

– Нет. Не пойму, куда, тра-та-та, – ответил сержант, добавляя всякий раз в свой доклад нецензурные слова.

Я хорошо знал этот тупиковый коридор, потому что там нам обычно выделяли комнату для изучения закрытой документации.

«Странно. Он в ловушке. Второй выход закрыт. Там куча сейфов. Похоже, прячется за ними. Тогда куда стрелял? Может, пытается разбить дверь? Но там его ждут», – размышлял я.

– Командиру части доложили о происшествии? – спросил лейтенанта.

– Нет, никому не докладывал, – неожиданно для меня ответил тот, – Когда бы я это сделал? – попытался он тут же оправдываться.

– Пусть сержант немедленно доложит. Он кто у тебя? – спросил его.

– Помощник.

– Тем более. Телефон на первом этаже. Спустишься и доложи дежурному по части, – обратился к сержанту и дал ему все инструкции, что и как докладывать, – Главное скажи, что начальник караула уже обнаружил вооруженного преступника и пытается лично его обезвредить. Обо мне ни слова. Меня здесь нет, и не было никогда, – предупредил всех.

Я понимал, как это важно для того, чтобы молодой лейтенант, как когда-то Вася, вместо наказуемого лица стал героем дня.

Снова две очереди и опять непонятно куда. «Что же он там делает?» – размышлял я.

Вернулся сержант. Сообщил, что все доложил, как надо. А еще принес ужасное известие о том, что преступник убил не только двух бойцов, но и вдоволь настрелялся на первом этаже. Сначала убил молоденькую телефонистку, а потом стрелял во всех, кто попадался на пути. Убито и ранено несколько штатских.

Скорую помощь раненым уже вызвали. И еще сержанту сказали, что в комнатах нашего этажа забаррикадировались люди. Они звонили и просили помощи. Преступник пытается выстрелами разбить замки обитых железом дверей. Медлить нельзя.

– Погаси свет в коридоре, – приказал бойцу, наблюдавшему за коридором.

Боец, буквально поняв мою команду, попытался сунуться в коридор, где он, очевидно, увидел выключатель.

Мгновенно раздалась очередь, свистнули пули, посыпались куски штукатурки и еще чего-то.

– Ну, ты даешь, – «похвалил» бойца. Двумя выстрелами из пистолета тут же раздробил выключатель, свет погас, – Вот как надо, – сказал тому.

Слабый свет был виден только где-то в середине коридора. Очевидно, из какой-то двери со стеклом.

Снова две очереди в никуда, но в полумраке коридора четко разглядел вспышки выстрелов. Стало понятно, где находился преступник.

– Дай автомат, – попросил бойца.

Тот вопросительно посмотрел на начальника. Лейтенант кивнул. Мы с бойцом обменялись оружием.

Не знаю, что заставило меня тогда совершить тот рискованный поступок, который мог бы стоить жизни. Даже самому себе, похоже, так никогда и не отвечу.

Я не испытывал страха. Рассудок был холоден, как всегда, когда чувствовал опасность. И меньше всего думал о погибших, раненых и о людях, ждущих помощи, впрочем, как и о возможных последствиях.

Я, как охотник, ждал, когда этот зверь выдаст себя. А что это зверь, а не человек, уже не сомневался.

И вот снова очередь противника в замок двери. Одним шагом мгновенно оказался на огневой позиции в проеме коридора.

Дальше – как в замедленных кадрах кино. Вторая и последующие панические очереди противника явно адресованы мне. «Вижу вспышки, значит пули не мои», – мелькает в голове. Жутковатый посвист пуль уже не пугает. И, как учил Липинский, короткими очередями от бедра прицельно стреляю по вспышкам. Внезапно все стихает. «Кажется, убил», – пронзает мозг внезапное озарение, – «Я – убийца...» Бессильно опускаю автомат...

– Он сам застрелился! – как сквозь пелену слышу голос лейтенанта, пульей пролетевшего мимо меня к сейфам.

Преодолев минутную слабость, подхожу и вижу лежащего на полу окровавленного бойца без ботинка. Его снятый ботинок и отброшенный роковым выстрелом автомат лежат в стороне. Боец стонет и корчится в агонии. Запах крови и пороховых газов...

Подбежали бойцы. Машинально отдал бойцу автомат и взял пистолет. Увидел, что по коридору уже бегут люди с носилками.

– Пойдем отсюда, – предложил лейтенанту.

Мы спустились вниз. Внизу, рядом с трупом бойца уже лежали еще несколько. Несмотря на свой детский опыт и школу нашего хирурга Бори Ранькова в тот раз почему-то не мог смотреть на убитых.

– Давай выйдем на улицу, – попросил лейтенанта.

Мне хотелось бежать, как можно быстрее и дальше. Я чувствовал себя преступником.

– Слушай, я обязан тебе. Не понимаю, почему ты хочешь остаться в стороне? Я бы один ничего не смог. Как мне тебя благодарить? – тархтел лейтенант, а я уже не мог слышать его отвратительного голоса. «И совсем он не похож на Васю», – вдруг подумал я.

– Дай два патрона. Застрелиться хочется, – неожиданно для него выдал свое сокровенное желание, которое в тот момент действительно бродило в воспаленной голове.

– Да ты что, с ума сошел?

– Может, и сошел. Ладно, дай два патрона, оружие сдавать надо после дежурства. Как отчитаюсь за патроны?

Он дал два патрона, мы пожали друг другу руки, так и не познакомившись. Мне этого уже просто не хотелось. Я забрал своих бойцов, которых оставил внизу, и мы ушли.

По дороге бойцы возбужденно рассказывали подробности происшествия, которые успели узнать или увидеть. Я слушал невнимательно, да и какое все это имело значение, если из-за глупости какого-то придурка одни люди, отправившиеся, как всегда, на работу, внезапно погибли, другие искалечены, а сколько близких им несчастных людей стали еще несчастней.

А душа разрывалась от боли. Пусть я не убил этого ублюдка, но сам сдуру захлопнул мышеловку, не оставив ему выбора. И он застрелился по моей вине! Конечно, его бы все равно расстреляли за содеянное, но тогда хотя бы я был не причем. Что я наделал? Во имя чего стал вершителем его судьбы? Кто я такой, в конце концов, чтобы стрелять в людей? И чем теперь лучше его? Мы оба – преступники. Мы оба посягали на самое святое – на человеческую жизнь. Он был результативен, а я – нет, но ведь посягал...

В моих снах это событие зачастую трансформировалось радикальным образом. Появлялись окровавленные стонущие раненые с жуткими пулевыми ранениями. Их видели мои бойцы, но не видел я. Появлялись люди, которых там не видел, или которые вообще там не могли быть. В одном сне могли сплетаться воедино совсем разные события, разделенные пространством и временем. Объединившись, они еще больше терзали мою измученную душу.

Глава 30. Голова полковника Каца

А в состоянии бодрствования я вновь и вновь проживал только что увиденные хитро-сплетения уже совсем бредовых фантазий и ощущал себя на грани помешательства.

У меня вдруг появилась навязчивая мысль расстрелять телефоны. С каким бы наслаждением это сделал! Те телефоны представлялись мне живыми существами, которые издевались надо мной на бесконечных дежурствах. Я уже не мог слышать их призывных трезвонов. Они не сулили ничего хорошего, кроме дополнительных хлопот в виде самых разнообразных поручений. О чем только ни извещали, и чего только ни требовали от меня звонившие придурки.

– Это полковник Кац, – отвратительным голосом раздраженного властного человека представился как-то один из телефонов, – Скажи-ка, а куда Мирошник дел голову? – последовал жутковатый вопрос.

– Чью голову? – спросил его.

– Как чью? Собачью. Ты кто такой, что ничего не знаешь? Что ты тогда там делаешь? Представься, как положено, – потребовал полковник Кац.

– Помощник дежурного по части старший лейтенант Зарецкий. Я представлялся, когда поднял трубку, – уточнил по инерции, на всякий случай.

– Узнай все, помощник, и доложи, – пробрюзжал полковник Кац и бросил трубку.

Позвонил подполковнику Чернышу и от него узнал, что Мирошника и его семью вчера вечером покусала комнатная собачка. Он и его семья в больнице.

– А куда он дел голову? – транслировал Чернышу вопрос Каца.

– Чью голову? – резонно спросил Черныш.

– Как чью? Собачью. Вы что, ничего не знаете? Тогда что вы там делаете? Это же важнейший вопрос для полковника Каца. Кстати, а кто такой полковник Кац, и как ему позвонить, чтоб доложить?

– Слушай, откуда я знаю? Не морочь мне голову, – возмутился, наконец, Черныш.

– Тогда узнайте все детали, и сами доложите полковнику Кацу, – ретранслировал Чернышу свое поручение.

Минут через десять телефон представился подполковником Чернышом.

– Тебе повезло. Только что звонил Мирошник. Его положили в больницу в Кзыл-Орде, – проинформировал он.

– Это Мирошнику повезло, а не мне. А где его собачка? – настаивал я на установлении важной для полковника Каца истины.

– Где же ей быть? Наверно с Мирошником, – предположил Черныш.

Не успел положить трубку, телефон снова стал полковником Кацем.

– Ты почему не докладываешь?! Ты что там, уснул?! – орал телефон голосом полковника Каца.

– Вы не оставили номер вашего телефона, – ответил ему.

– Мог бы узнать в справочнике.

– У меня нет справочника. Я вообще не знаю, кто вы такой.

– Ты меня не знаешь? Странно. Я главный ветврач полигона. Так ты что-нибудь узнал?

– Мирошник в больнице в Кзыл-Орде, и его собачка лечится с ним.

– От чего лечится? Он же ей голову отрубил... А в какой больнице Мирошник? – продолжил допытываться любопытный Кац.

– Он не успел доложить. У него деньги кончились, – ловко соврал ему.

Полковник Кац, наконец, угомонился...

Так что у меня было, за что не любить телефоны. Особенно не любил, когда их было несколько, и они вдруг трезвонили одновременно, на разные голоса, а потом оттуда орали важные чины. Иногда я развлекался тем, что складывал телефоны парами, чтобы чины немного полаяли друг на друга, выясняя, кто с кем говорит, и как они вообще могли связаться друг с другом, если каждый из них звонил совсем в другое место. В освобожденное таким образом время я общался только с одним телефоном.

И вот настал день, когда почувствовал, если меня именно сегодня назначат в наряд, телефонам несдобровать – они будут расстреляны.

Встал вопрос, а надо ли предупреждать об этом моих командиров? Долго переживал по этому поводу. Если их не предупрежу, поступлю неэтично по отношению к людям, которые мне доверяют и которые не сделали мне ничего плохого. Но если предупрежу, то так и не удастся осуществить мечту.

В конце концов, этика победила. Начальнику штаба, который предложил расписаться в приказе о назначении в наряд, я сообщил о своем намерении.

Начальник штаба, в отличие от других командиров, отнесся к моему заявлению серьезно и предложил написать рапорт. Сказал ему, что подобные мои рапорты до сих пор никто не рассматривал. А потому был вынужден обращаться в самые высшие инстанции. Но начальника штаба это не смутило.

И я написал тот знаменательный рапорт, который, наконец, был зарегистрирован, как положено, и подшит в дело.

На рапорт, написанный в период работы комиссии ЦК КПСС, уже невозможно было не реагировать. К тому же комиссия могла легко установить его связь со всеми моими обращениями и с письмом жены, на которое наше командование дало партии лживый ответ.

С того рапорта стартовала заключительная фаза моего увольнения из армии.

Но для начала меня, конечно же, попробовали попугать. Вместе со всем иконостасом моих командиров нас пригласили в штаб полигона.

Я не удостоился той чести, которую оказали лейтенанту Дудееву. Его персоной озаботились генералы. Меня же, старшего лейтенанта, привели в скромный кабинет какого-то полковника.

«Наверно это и есть тот самый полковник Кац – знаменитый ветврач полигона», – подумал я и рассмеялся.

– Ты еще и смеешься?! – взревел взбешенный таким непочтением полковник Кац, – Как ты стоишь перед полковником? Что за внешний вид? Где твой значок об окончании училища? – орал полковник, все больше и больше распаляясь. Полковники умеют так орать. Это у них профессиональное.

– Меня вызвали, чтоб обсуждать мой внешний вид? Я уже отсидел за это на гауптвахте. Придумайте что-нибудь пооригинальней, – прервал я Каца.

– Я тебе сейчас придумаю!! Ты у меня в тюрьму загремишь, наглец!!! – загромыхал полковник, скорее всего все-таки не Кац. Тот раздраженно брюзжал, а этот орет так, что даже графин на подносе дрожит.

– Напугал ежа... Я с детства в блатных ходил. Мою кликуху весь Харьков до сих пор знает. Раньше сяду, раньше выйду, – спокойным тоном ответил на его угрозы.

Полковник побагровел, задохнулся, судорожно глотая воздух. Схватил графин, налил стакан воды и стал жадно пить, готовясь, очевидно, сотрясать воздух с новой неистовой силой.

«Рыба, типичная рыба», – подумал я, – «Сейчас я тебя отключу. Ты у меня ни слова не произнесешь. Рыбы только молча разевают рты, но их никто не слышит. И я не буду слушать твой словесный понос».

Получилось! Полковник орал. Я видел это по дрожи облегченного им графина, но ничего не слышал. Мне стало весело. Я всемогущ! Я умею отключать полковников! Я хохотал от души. Я давно так не смеялся.

И вдруг кожей ощутил зловещую тишину. Полковник смотрел на меня с ужасом. «Боишься, сволочь!» – мелькнуло в голове. Неожиданно взгляд упал на телефоны. Сколько у него их! И во все эти трубки он так орет! Бедный графин, и как он только терпит. Однажды он треснет от звуковых колебаний гигантской мощности.

Один из телефонов, кирпично-красного цвета, как кожа на толстом полковничьем заправке, на глазах стал стремительно увеличиваться в размерах.

– Срочно врача в семнадцатый кабинет! – орал телефон голосом полковника Каца.

«Зачем тебе врач? Ты же сам врач, хоть и ветеринарный», – размышлял я, – «Нет, это пора прекращать!»

– Хватит орать! Вызываю тебя на дуэль! – крикнул телефону, который одновременно был полковником Кацем. В руках у того неожиданно появился автомат.

Хорошо, тогда в МИКе не отдал бойцу его автомат, а то этот мерзавец прихлопнул бы меня сейчас в два счета. С него хватит. У него о чести никакого понятия. Я – потомственный дворянин, а этот тип – металл и пластик. Но я же его не просто расстрелял, а честно вызвал на дуэль. И он теперь не спрячется за сейфы, как тот боец.

И тут меня осенило. Я в деталях представил, что происходило с того момента, как шагнул в проем коридора. Я четко слышал две очереди и одиночный выстрел преступника. Я выпустил четыре очереди по два патрона. На это у меня ушло максимум пять секунд. По вспышкам выпустил две очереди. Третья шла после паузы в секунду – на одиночный выстрел, вспышку которого не видел. Четвертая – вдогонку. А это значит, боец был готов к самоубийству заранее! Он не мог так быстро снять ботинок! Значит, не я причина его гибели!

Он видел смерть, он сам нес смерть другим, и он не захотел быть убитым или расстрелянным. Он решился на самоубийство заранее. Мои выстрелы только дали ему сигнал – этот момент настал, иначе он будет убит, или взят живым, а потом расстрелян. Он, видимо, понял тогда, что нашу дуэль он проиграл. Из-за сейфа ему уже не выглянуть...

Непомерная тяжесть от ощущения своей вины, которая навалилась на меня в тот злополучный день, и с тех пор постоянно не давала покоя, мгновенно исчезла. Я почувствовал гигантское облегчение и тут же впал в состояние радостного возбуждения в ожидании предстоящего благородного поединка.

«А этот наглец! На что он надеется? Его не обучал майор Липинский. Он уже давно не стрелял из автомата. Ему меня не опередить», – размышлял, напряженно ожидая команду «Пли» и бедром ощущая плотно прижатый приклад автомата.

Этот телефон, орущий голосом полковника Каца, я разнес вдребезги с одной очереди!

И вдруг ощутил, что это не принесло никакой радости. Цель достигнута, а что дальше? Эта цель ложная, призрачная... Одна только видимость победы. А мне по-прежнему плохо...

И тут я увидел глаза моей любимой Людочки. Она смотрела на меня грустным взглядом. Так она смотрела на меня лишь однажды в свои последние дни.

– Людочка, что с тобой? – спросил ее, когда увидел этот грустный взгляд, обращенный ко мне.

– Толик, почему ты не приходил раньше? – спросила она меня с таким безнадежным отчаянием... Я сразу понял, что она хотела сказать. Ведь мы уже обручились, и у нас не было тайн друг от друга.

– Людочка, я не знал, что ты болеешь. А потом я даже не знал, где ты живешь и хочешь ли меня видеть?

- Я была дура. Если бы ты прислал хоть одно твоё стихотворение, я бы всё поняла.
- Людочка, главное, мы снова вместе. И ты – моя невеста.

Людочка улыбнулась, но я чувствовал, что она по-прежнему грустит, потому что считает только себя виновной в наших бедах...

– Любимый, что они сделали с тобой? Я не узнаю тебя, – грустно сказала Людочка в этот раз.

– Людочка, они украли мою цель, мою мечту. А сейчас ещё грозят тюрьмой. Если бы ты была со мной, ничего этого никогда бы не было. А сейчас – только пустота.

– Не говори так. Я всегда с тобой. И у тебя есть дочь – наша маленькая Светланка. Береги её, как нашу любовь, – тихо сказала Людочка и, как всегда, медленно растаяла.

– Людочка... Людочка... – заплакал я, вновь ощутив всю тяжесть безвозвратной потери...

Очнулся в кресле в коридоре штаба. Рядом стояли Суворов и врач в белом халате.

– Он очнулся, – сказал Суворов врачу.

– Как вы себя чувствуете? – спросил врач, проверяя пульс.

– Я успел грохнуть этого полковника Каца? – спросил у Суворова, проигнорировав странный вопрос врача.

– Какого Каца? – спросил Суворов, – Ты телефон вдребезги разнес. Еле втроем тебя удержали, а то бы и остальные перебил. А потом заплакал и стал звать какую-то Людочку. Хорошо, врач вовремя пришел и сделал укол.

– А где полковник Кац? – снова спросил его.

– Дался тебе этот полковник. Кто он?

– А с кем я говорил в кабинете? Разве это не он?

– Да ты что! – засмеялся Суворов, – Кстати, ты сможешь закончить разговор? Или мы приедем сюда завтра?

– Я вообще не хочу с ним разговаривать. Он же не говорит, а орет, а я что, должен это слушать?

– Он больше не будет орать, – пообещал Суворов.

– Тогда давайте все закончим сегодня, – решил я.

Суворов с врачом прошли в кабинет. Минут через десять меня пригласили туда же и впервые предложили сесть.

– Как вы себя чувствуете? – спросил полковник вполне нормальным голосом. А я, как замороженный смотрел на грудку телефонов. Красного среди них уже не было. «Сдох, паразит. Больше не заорешь», – мстительно подумал я.

– Вы у меня что-то спросили?

– Ладно, замнем. Вы в курсе, что ваша жена написала жалобу на имя Генерального секретаря?

– Да, она мне об это говорила.

– А почему она все решила за вас? Почему она думает, что вы хотите уволиться из армии? Или вы ей об этом говорили?

– Я по этому вопросу кричал во все инстанции, а вместо ответа получал написанные под копирку, глупейшие писульки от некомпетентного лейтенанта Макарова.

– А почему вы решили, что ваша жена получит иное?

– Потому что вы обманули партию, когда ответили за меня, у меня ни о чем не спросив.

– Разве ваша жена вас спрашивала, когда писала? Кто дал ей право ходатайствовать за вас?

– А кто дает право жене любить мужа? Моей дочери уже год, а я видел ее лишь три раза. И что дальше? Наша семья может развалиться, а семья – ячейка государства. И здесь право жены посильнее вашего права держать меня в рабстве.

– Я так понял, ваша жена москвичка. И вы в Москву захотели? Вас теперь ничем не удержишь в армии. А если мы вас переведем служить в Москву?

– Товарищ полковник, первый рапорт я написал еще до женитьбы. Мой перевод ничего не изменит. И не судите по себе о других людях. Ни переводом, ни званиями вы меня не купите. Подумайте лучше, что вы скажете комиссии, когда до нее дойдет мой последний рапорт? – закончил ответ откровенным шантажом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.